

СТАТЬИ

С. В. САВИНКОВ*

ORCID ID: 0000-0002-9625-7980

АНТРОПОЛОГИЯ «СЕРЕДИНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Композиция статьи обусловлена двумя аспектами рассмотрения заявленной темы. В первой ее части антропология «середины» связывается с «ординарностью» — понятием, с которым в разные периоды творчества Достоевского соотносились разные типажи. На начальном этапе — «титularный советник», в дальнейшем — «обыкновенный» человек. В качестве репрезентативных для этих этапов текстов автором выбраны повесть «Двойник» (где образ титулярного советника обретает черты идейного конструкта) и роман «Идиот» (где обыкновенный человек получает развернутую типологическую характеристику). Во второй части статьи «середины» и «центр» рассматриваются и как знаковые структурные элементы в творчестве Достоевского, и как категории его понятийного языка. На основе изучения функционала этих категорий выстраиваются типолобразующие модели устройства человека и социума.

Ключевые слова: Достоевский, титулярный советник, готовое, ординарное, обыкновенные люди, оригинальное, середина, центр, миропорядок, идеал.

S. V. Savinkov

THE ANTHROPOLOGY OF THE “MIDDLE” IN DOSTOEVSKY’S WORK

Annotation: The composition of the article is conditioned by two aspects of consideration of the stated theme. Its first part associates the anthropology of the “middle” with “ordinariness”, a notion with which different types of personality were associated in different periods of Dostoevsky’s work. At the initial stage this was the titular counselor, while later it was the “ordinary” person. The texts selected by the author as representative of these stages are the novella *Doppelgänger* (where the image of the titular counselor acquires the features of an

* Савинков Сергей Владимирович, д-р филол. наук, профессор Воронежского государственного педагогического университета; Sergey V. Savinkov, Dr. Sci. in Philology, Professor at Voronezh State Pedagogical University, Professor at Voronezh State University. svspoint@yandex.ru.

ideological construct) and the novel *The Idiot* (where the ordinary man receives a detailed typological description).

The second part of the paper deals with the “middle” and the “centre” as both signifying structural elements in Dostoevsky’s work and categories of his conceptual language. The study of the functionality of these categories builds typological models of the structure of man and society.

Key words: Dostoevsky, titular counselor, ready, ordinary, ordinary people, original, middle, centre, world order, ideal.

О понятии ординарности (от «титularного советника» к «обыкновенному» человеку)

Базовым элементом идейного конструкта повести «Двойник» является представление о чиновничьем ранжире как о своеобразном аналоге мироустройства, предопределяющем каждому его члену место-положение и соответствующий ему ценз в согласии с аксиологической вертикалью. С принадлежностью к тому или иному классу связывался целый комплекс социокультурных и литературных значений, которые следует иметь в виду, чтобы понимать исходную диспозицию главного героя повести Достоевского, а она такова: Голядкин — титулярный советник, чиновник, согласно Табели о рангах, IX класса. (Чтобы лучше сориентироваться, достаточно вспомнить, что гоголевский Хлестаков и пушкинский Самсон Вырин — чиновники самого низкого, XIV ранга.) Несмотря на то что IX класс располагался значительно выше XIV, своим появлением в русской литературе маленький человек во многом обязан был именно ему. Дело в том, что, по представлениям той эпохи, чин титулярного советника обеспечивал его владельцу такую репутацию, которой в полной мере соответствовало значение фразеологизма «ноль без палочки».

Примерами такого уничижительного отношения к титулярному советнику изобилуют произведения Н.В. Гоголя. Так, в глазах героини гоголевского драматического отрывка Марьи Александровны титулярный советник ассоциируется со «штафиркой», «козявкой» и «утиральной салфеткой». И даже само слово «титулярный» «тиранит»¹ ей уши. Этому слову у В.И. Даля дается такое толкование: «Титулярный, состоящий в звании, но не в чине или не в сане; зауряд. — советник, гражданский чин IX-го класса, капитан, есаул»². По сути дела, слово «титулярный» означает «номинальный» — уже не секретарь, но еще не полноправный советник, своего рода кандидат в советники. Таким образом, титулярный советник как бы и не чин, а, как говорит та же

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 5. С. 124.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1982. С. 407.

гоголевская Марья Александровна, «бог знает что», одним словом, одно название. М. Вайскопф остроумно заметил, что в номенклатуре знак ранга — титулярный советник — оказывается словно отделенным от означаемого, он «подчеркнуто тавтологично исчерпывается названием»³. Иначе говоря, означающее у этого знака идентично самому себе: знак оказывается знаком себя же самого, знаком знака, а потому — нулевым, фиктивным. «Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? Ведь ты нуль, более ничего. Ты — титулярный советник» (варианты к «Запискам сумасшедшего»)⁴.

Титулярный советник можно сказать, сам напрашивался на то, чтобы его мифологизировали⁵ как «пограничное» существо, которое одновременно и существует и не существует, и присутствует и отсутствует⁶. И это указывает на связь этого образа с романтической идеологией и эстетикой. Обнаруживаются знаки и прямого с ней родства. К примеру, таинственный старик в прозаическом отрывке Лермонтова «Штосс» (образ, отвечающий поэтической формуле «не вовсе мертвый, не совсем живой») — титулярный советник.

Иная семантика пограничности у титулярного советника обнаружилась тогда, когда, благодаря Гоголю и Достоевскому, в фокусе литературного внимания оказалось его сознание. Не случайно, конечно, что именно титулярный советник стал первым в истории русской литературы персонажем, который задался вопросом о том, почему он есть он. «Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник?»⁷ Когда этот вопрос обращает к себе гоголевский Поприщин, ясно, что он имеет в виду не только и не столько свое служебное положение. В устах Поприщина он звучит как такой вопрос экзистенциального толка, невозможность ответа на который в конечном счете и сводит его с ума. И в самом деле, литературные титулярные советники если и не всегда сходят с ума в буквальном смысле, то так или иначе обнаруживают присущую их сознанию диссоциацию.

В свое время Л. В. Пумпянский саму возможность поприщинского самозванства объяснил релятивистским состоянием мира, в котором балом правят не действительные достоинства, а внешние по отношению к ним знаки (чины, титулы, аксессуары)⁸. Но именно эта ничем и никем

³ Вайскопф М. Сюжет Гоголя. М., 1993. С. 319.

⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 557.

⁵ О мифологии чина и особой в ней роли титулярного советника см.: Барит К. А. «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы...». О неполной проходимости границы между 9 и 8 классами по Табели о рангах в произведениях Ф. М. Достоевского // V Летние чтения в Даровом. Коломна, 2019. С. 92–103.

⁶ Савинов С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010. С. 84–91, 108–113.

⁷ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 206.

⁸ Пумпянский Л. В. Опыт построения релятивистской действительности по «Ревизору» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 576–589.

не обусловленная зависимость видимого от невидимого и наталкивает его на мысль о возможности взять власть над знаками. Для того чтобы переменить свою судьбу и обрести видимое достоинство, достаточно самоназваться, присвоить титул. И не случайно сумасшедшая идея назваться испанским королем приходит в голову именно титулярному советнику. Нуль, титулярный советник — это ничто, но именно поэтому такое ничто способно возомнить о себе все что угодно и притязать на все что угодно. Не имеющий референта голый, пустой знак может облечься в какое угодно означающее. Отсюда и сама возможность вопрошания: «Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть, я сам не знаю, кто я таков»⁹.

Голядкин Достоевского, при несомненном сходстве с Поприциным, все-таки не является его литературным двойником. Существенное различие между ними заключается как раз в том, что у Поприцина двойника быть не может, а у Голядкина, в известной мере, не может не быть. Голядкин Достоевского переживает нулевость иначе, чем Поприцин: нуль связывается для него не с представлением о ничтожности, а с представлением об ординарности. Не быть нулем означало бы для него не быть как все. Неразличимость как условие и одновременно следствие ординарности при определенных условиях, по Достоевскому, и становится благодатной почвой для образования обозначенного еще Пушкиным наполеоновского комплекса. Желанием стать «повыше» других одержим человек не «низа», а «середины». Таким средним человеком и является господин Голядкин¹⁰.

Нарративная логика «Двойника» станет более понятной, если учитывать ее отличие от логики «Шинели» и «Записок сумасшедшего» (несомненных претекстов повести Достоевского). Если задача «Шинели» состояла в том, чтобы посмотреть на маленького человека не как на ноль, а как на самостоятельную единицу, то задача «Записок из подполья» — посмотреть на характер поведения сознания самостоятельной единицы, которая знает об отождествлении ее с нулем и реагирует на это. Литературным открытием Гоголя стало обнаружение у титулярного советника несоразмерной его положению амбиции: оказалось, что у типологического нуля она может простирается даже и не до единицы, а — сверх нее. По выражению уже упомянутой гоголевской героини: «Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!»¹¹

Для понимания такой, казалось бы, необъяснимой неадекватности важно учитывать еще одно важное обстоятельство. По табельной

⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 206.

¹⁰ И в самом деле, у Голядкина имеется все то (квартира, слуга, денежные накопления), что позволяет его отнести к когорте тех господ, которых, по слову Гоголя, «называют господами средней руки» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 7).

¹¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 132.

классификации IX класс, ранг титулярного советника — это высшая ступень низшего разряда в чиновничьей иерархии. Достаточно было подняться лишь на одну ступень выше, чтобы попасть на первую ступень уже высшего разряда. Однако в действительности тому, кто находился на девятой ступени, попасть на восьмую и получить чин коллежского асессора, а вместе с ним и право на потомственное дворянство, не было никакой возможности.

Контроверза между ощущением близости верха и одновременно его недостижимостью (в соответствии с поговоркой «близок локоток, да не укусишь») и стала для Гоголя и Достоевского отправной точкой построения психопатологического портрета титулярного советника. Она предполагала и несколько иную интерпретацию его «готового»¹² состояния. Отказывая титулярному советнику в возможности оказаться наверху естественным путем (предполагающем возможность изменения посредством саморазвития), оно понуждало его к упованию на сказочное превращение: был одним — стал другим (в скобках заметим, что желание такого скачка унаследуют и другие герои Достоевского). И если для сказочного героя вещным свидетельством обретения высокого статуса является чудесная жена, то для титулярного советника — генеральская дочь¹³.

Несмотря на стартовую близость, понятно, что Гоголь и Достоевский движутся по разным авторским траекториям. И общая для Поприщина и Голядкина цель — превращение в *другого* (испанского короля или жениха генеральской дочери) — имеет у Гоголя и Достоевского существенно разнящуюся подоплеку. Она будет лучше заметна, если для начала обозначить различие между гоголевскими персонажами — Поприщиным и Хлестаковым. Очевидно, что и для того, и для другого желание стать другим принципиально неосуществимо в действительности. Однако неосуществимо по-разному. Между Хлестаковым (чиновником самого низкого разряда) и предметом его желания значительная дистанция, преодолеть ее возможно исключительно с помощью неумного воображения. В случае же с Поприщиным дистанция между ним и предметом его желания хотя и сокращается до одной ступени, но по-прежнему остается непреодолимой. В таком радикальном различии диспозиций и кроется, по всей видимости, объяснение тому, почему для одного из них (Хлестакова) его тяга к чрезмерному воображению не приобретает клинической формы, а для другого (Поприщина) она становится неизбежной.

¹² Семантика готового восходит к первообразу титулярного советника — гоголевскому Башмачкину. Появившись на свет, Акакий Акакиевич «сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник»; «Он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» (*Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений*. Т. 3. С. 143).

¹³ О фольклорной основе «Двойника» см: *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // *Русская литература и фольклор*. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 12–76.

У Голядкина и Поприщина исходные координаты существования также разнятся, несмотря даже и на то, что в Табели о рангах они находятся на одной и той же позиции. Если Поприщин Гоголя изначально отождествляется с нулем, то Голядкин у Достоевского — с принадлежащей к середине единицей. Поэтому и изначальная психологическая установка у него иная (не на то, чтобы не быть нулем, как у Поприщина, а на то, чтобы не быть как все), и иное — приближенное к действительности — практическое мышление. Нельзя не заметить, что семиотика поведения Голядкина имеет вполне референциальный характер. Не выглядит фантастически и главная его цель — попасть в общество избранных — «людей благонамеренных и хорошего тона» (1, 393). Да и его «волшебными помощниками» оказываются вполне реальные вещи — деньги и умение интриговать. В этой связи заметим, что для обыкновенного человека деньги будут иметь иное значение.

В основе теории¹⁴ Раскольникова лежит идея предопределенности: кому-то уготовано быть одним из многих, а кому-то — иметь статус «единственного». Как и в известной тому времени книге Макса Штирнера, в «Преступлении и наказании» внимание сосредоточено на «единственном». На изучении сознания и психологии того, кто помыслил себя в когорте необыкновенных в теории, а на практике вынужден был признать свою ошибку, а значит, и свою принадлежность к обыкновенным.

Вопрос о том, почему в голову обыкновенного человека¹⁵ может прийти мысль о собственной исключительности, Достоевского очень занимал. Об этом свидетельствует предпринятое писателем систематическое изучение этого типа в романе «Идиот».

На одном из представителей указанного типа повествователь остановится в предведомляющем третью главу романа «ироническом» отступлении. Контрапунктом его иронии станет мысль о том, что недостаток оригинальности является лучшей рекомендацией человека дельного, делового и практического. Практический человек нацеливается в своей жизни на то, чтобы избежать всякого рода в ней крайностей: он не отступает от принятых в обществе правил поведения и получает за это от него одобрение и поощрение. Обратный пример, который приводит повествователь, — несоответствующее такой установке семейство генерала Епанчина. От всех других почтенных семейств его отличает непрактическая оригинальность: «...они все-таки иногда подозревали, что у них в семействе как-то все идет не так, как

¹⁴ Об этимологической составляющей теории Раскольникова и образа главного героя см.: *Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. С. 73–86.

¹⁵ О веках истории существования обыкновенного человека в русской литературе см.: *Фаустов А. А.* Метаморфозы «обыкновенного» человека // Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж, 2015. С. 117–215.

у всех. У всех гладко, у них шероховато; все катятся по рельсам, — они поминутно выскакивают из рельсов» (8, 270). Если использовать для сравнения геометрический образ колеи, то можно сказать, что ординарный человек так же не в состоянии измениться (отклониться от заданного пути), как не могут пересечься, согласно евклидовой геометрии, параллельные прямые.

Будучи общей для всех принадлежащих к разряду обычных людей метафорой их существования, колея приобретает достаточно широкий диапазон значений. Наличие такого диапазона обуславливается неоднородностью обычных. Их множество разделяется на подмножества.

О разрядах обычных повествователь дает развернутое рассуждение в самом начале IV части. Согласно его классификации, всех обычных можно разделить на два разряда: на «ограниченных» и на тех, кто «гораздо поумнее». Главное различие между этими двумя разрядами заключается в следующем. Ограниченные ничего не знают о том, что их существование подобно существованию в колее, а «гораздо поумнее» — в конечном счете догадываются. При этом и те и другие, будучи ординарными, позиционируют себя в качестве неординарных. Легче это удается ограниченному: «Ограниченному “обыкновенному” человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний» (8, 384).

Одним из самых выдающихся представителей этого типа является гоголевский поручик Пирогов: «Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений, даже выше всякого гения; до того не сомневается, что даже и вопроса себе об этом ни разу не задает; впрочем, вопросов для него и не существует» (8, 385). Безграничное самодовольство позволяет Пирогову вообразить себя кем угодно, хоть и великим полководцем. Такого рода безграничность и является выражением его ограниченности.

Кстати говоря, в романе есть персонаж, воображение которого тоже не знает границ. Это генерал Иволгин. Но он, в отличие от Пирогова, в глубине души знает, что то, куда его уносит воображение, все-таки не соответствует действительности. Его вдохновенная и без задней мысли ложь вызывает даже сочувствие. Ясно, что генерал Иволгин обычный человек. Но также ясно, что он (при отсутствии пироговского самоудовлетворения) не соответствует ни «ограниченному» типу, ни типу «гораздо поумнее», представители которого на деле, а не в воображении желают реализовывать свои амбиции.

Вариативность и разнообразие — то, что присуще сфере обычного, а не исключительного. Исключительное — единично, множественное — обычно. «Обыкновенные» — это множество единиц, каждая из которых стремится к отдельному существованию. Обыкновенный человек способен возненавидеть такого же, как и он,

обыкновенного человека только за свою на него похожесть. Так что появление двойников возможно исключительно в среде обыкновенных людей. Ипполит Терентьев заражен «желанием оригинальности» не в меньшей степени, чем Ганя Иволгин. И так же, как и его двойник, не способен ее обрести. В самом желании Ипполита обставить чтение своего предсмертного письма таким образом, чтобы оказаться в фокусе всеобщего внимания, улавливается скрытый мотив: хоть и таким способом стать неординарным. Обыкновенный человек интересен Достоевскому своей (способной принимать различные комбинации) двухмерностью. Одно только сочетание правды и лжи имеет в нем широкий диапазон вариаций — от простодушного вранья до клеветы. В романе «Идиот» такого рода двойственность присуща и генералу Иволгину, и Лебедеву, и Келлеру. Однако у каждого она своя. Двойственность — та черта обыкновенного человека, которая делает его, по выражению Достоевского, не совсем обыкновенным¹⁶.

Среди «обыкновенных» встречается и такой типаж, как Гаврила Ардалионович Иволгин. Емкую характеристику ему дает Ипполит: «Вы тип и воплощение... самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! <...> Ни малейшей собственной идеи не суждено воплотиться ни в уме, ни в сердце вашем никогда» (8, 399). А в романе «Подросток» подобным образом характеризуется один из приятелей рассказчика: «...что он лишь жалкая бездарность и ординарность и что в нем никогда не было ни малейшего признака идеи» (13, 79).

Но именно такого типа ординарный человек и стремится выглядеть оригинальным безо всяких на то оснований. Быть заметным — цель, которая позволяет его причислить к ряду не желающих быть «нулями» титулярных советников. Но есть и то, что этого сделать не позволяет. Дело в том, что ординарный человек может не быть титулярным советником. Ординарность — понятие, с табелем о рангах прямой связи не имеющее. Ординарным человеком может быть и титулярный советник, и генерал, и кто угодно. Поэтому и *неизменность* ординарного человека отличается от состояния «готовности» титулярного советника.

Ординарный человек так удовлетворен собой, что стать *другим*, как об этом мечтали его литературные предшественники, он уже не желает. Он хочет перейти в разряд «необыкновенных» так, чтобы остаться самим собой. Он хочет, чтобы его самого — такого, какой он есть, признали оригинальным.

По представлению Иволгина, возможность такого признания обеспечивается деньгами: «Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира. Вы скажете,

¹⁶ В позднем письме Е. Ф. Юнге (1880) Достоевский укажет на внутреннюю «двойственность» человека как на вполне определенный характерологический признак: «...это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных» (30₁, 149).

это все по-детски или, пожалуй, поэзия, — что ж, тем мне же веселее будет, а дело все-таки сделается. Доведу и выдержу» (8, 105). И речь здесь идет не об операционном (как в случае с Голядкиным) использовании денег. Для Иволгина деньги — не прикладное средство для достижения чего-либо, в определенном смысле они для него — он сам. С помощью денег можно быть тем, кем ты не являешься¹⁷. Эту мысль озвучивает и герой «Подростка»: «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество... Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства» (13, 74).

Вопрос о равенстве приобретает у Достоевского очевидные черты парадоксальности. Обыкновенный человек (т. е. такой же, как все, принадлежащий множеству), будучи равен членам этого множества, противопоставляет себя им, заявляя о своем с ними неравенстве и одновременно — о равенстве с теми гениями человечества, с которыми у него — человека «обыкновенного» — не может быть равенства по определению.

Гений и ничтожество, если перефразировать Пушкина, в такой системе координат оказываются вещами совместными.

II

«Середина» — «центр»: антропологические типы

В художественной антропологии Достоевского человек осмысливается в категориальной парадигме середины, верха и низа (или иных крайностей). Если строить типологию с учетом этих категорий, то все персонажи писателя делятся на тех, кто имеет середину, и тех, кто ее не имеет. Первый тип в этой классификации может быть обозначен как человек «середины» (т. е. не знающий крайностей), а второй — человек «без середины» (т. е. не знающий «середины»).

Остановимся на характеристике человека «середины». В самом общем виде это человек, существование которого связывается с серединой — с положением между верхом и низом. А вот характер его отношений с этими крайностями указывает на его разновидность.

«Золотая середина» осмысливается Достоевским весьма иронично и отнюдь не по-аристотелевски. Тот, кто к ней принадлежит, не знает ни

¹⁷ Здесь улавливается переключка с тем, как выражается сущность денег у К. Маркса, прежде всего в его экономическо-философских рукописях: «То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег... Разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?» (*Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 42. С. 150.*)

верха, ни низа, поскольку живет «на всем готовом»¹⁸ и обращен исключительно на самого себя. В его системе координат он — центр мироздания, а мир — зеркало, отражающее его самодовольное «я». К этому типу у Достоевского можно отнести все разновидности приживальщиков, начиная с Фомы Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и мужа мадам М* («Маленький герой») и заканчивая такими лакеями, как Видоплясов и Петр Верховенский. «Готовое» существование такого человека есть основание, повод и возможность для возникновения сюжета борьбы за место: только у «готового» человека может быть нацеленный на его замещение двойник.

Еще одна разновидность человека «середины» — «ординарный» человек. Он тоже не знает крайностей, но уже потому, что его существование подобно движению в колее¹⁹, удерживающей от возможных отклонений и не позволяющей ни достичь вершины, ни оказаться в самом низу. При этом, однако, ординарный человек амбициозен и, по слову Достоевского, «весь, с ног до головы... заражен желанием оригинальности» (8, 385). Так будет сказано о Гавриле Ардалионовиче Иволгине, которого повествователь отнесет в своей классификации к разряду тех, «кто поумнее». В отличие от «ограниченных», последние о своем положении догадываются, но относятся к этому факту как к ошибке природы, требующей исправления с помощью «волшебных» помощников — денег или чудесной жены. При этом и «ограниченные», и те, «кто поумнее», будучи самими что ни на есть ординарными, свято верят в свою исключительность.

Третью разновидность представляют те персонажи, для которых верх и низ не имеют никакого значения потому, что их нет в системе координат, где точкой отсчета является не действительность, а «живая жизнь» и Христос как средоточие любви, как середина, все к себе стягивающая и всех уравнивающая. Если в пространстве действительности верх и низ всячески нацелены на размежевание между собой, то в пространстве «живой жизни», напротив, — на снятие различий, разводящих их по разные стороны. Жизнь во Христе Сони Мармеладовой невероятным образом ставит знак равенства между блудницей и святой.

Для второго типа персонажей Достоевского общим признаком является отсутствие середины. Но и «человек без середины» имеет несколько разновидностей. Одну из них представляют те герои, существование которых может быть выражено разделительным союзом «либо-либо»: либо верх, либо низ. Это и Настасья Филипповна («Идиот»), и Грушенька («Братья Карамазовы»), и Лиза («Бесы»). А первым из персонажей Достоевского, кто отрефлектировал такое состояние, был автор

¹⁸ См. об этом: *Савинков С. В.* Готовое и неготовое как формы существования в творчестве Достоевского // *Савинков С. В., Фаустов А. А.* Аспекты русской литературной характеристики. М., 2010. С. 108–132.

¹⁹ «Жизнь в колее» — одна из базовых метафор существования ординарного человека в романе «Идиот».

«Записок из подполья»: «Либо герой, либо грязь, середины не было» (5, 133). Отсутствие середины подвигает таких персонажей на метание между крайностями. А в случае с Настасьей Филипповной — «безысходной неодолимости двух противоположных стихий духа»²⁰.

Человеком «без середины» является, безусловно, и игрок, персонаж из одноименного романа. В отличие от подпольного человека, который, по его признанию, ничем не смог сделаться (ни героем, ни грязью), игрок с помощью рулетки имеет фантастическую возможность безо всякой, по слову Достоевского, «выделки» — сразу и вдруг — все получить в готовом виде, «один оборот колеса и все изменяется»: «Что я теперь? Зéго. Чем могу быть завтра? Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить! Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» (5, 311).

Еще одну разновидность «человека без середины» представляют те персонажи, которые на «внутреннем» языке творчества Достоевского определяются словосочетанием «широкий человек».

В романе «Идиот» князь Мышкин в разговоре с Ипполитом противопоставит современному человеку человеку прошлого времени: «Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, чувствительнее, как-то о двух, о трех идеях зараз... теперешний человек шире, — и, клянусь, это-то и мешает ему быть таким односоставным человеком, как в тех веках...» (8, 433). Но наиболее развернутое высказывание о широком человеке инкорпорировано в рассуждение Дмитрия Карамазова о красоте: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеалы Мадонны... Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (14, 100).

Широкий человек — человек без середины не потому, что мечется между крайностями, а потому, что эти крайности так в нем между собой сходятся, что оказываются неразличимыми. В этом случае определяющей чертой «человека без середины» является не раздвоение, предполагающее балансирование между верхом и низом, а двойственность, предполагающая неразличимое соприсутствие крайностей.

Широкому человеку противопоставлен человек «односоставный», у которого нет середины и нет верха и низа — он целиком ориентирован на какую-либо крайность: либо на верх, либо на низ. Таков, к примеру, Рогожин. «Его предки с неистовым остервенением поклонились деньгам, он же с не меньшим остервенением поклоняется Настасье Филипповне»²¹. К этому же типу можно отнести и Аглаю Епанчину, бешеная ревность которой к Настасье Филипповне сродни рогожинской ревности к Мышкину.

²⁰ Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 43.

²¹ Курганов Е. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб., 2001. С. 58.

Возможны, конечно, и некие промежуточные или смешанные варианты. В Раскольникове, к примеру, есть и то, и другое — и раздвоение, и двойственность.

Раздвоение Раскольникова обусловлено его балансированием между верхом и низом из-за невозможности разрешения вопроса о принадлежности к одному из двух разрядов — «право имеющих» или «тварей дрожащих». Двойственность же — как бы наложением друг на друга систем координат с разными точками отсчета: «действительности» и «живой жизни». Как остроумно подметили: «Раскольников — это Соня Мармеладова, в которую вселился (временно, но цепко) бес рациональности и неверия»²². При этом и «двойственность», и «раздвоенность» Раскольникова можно считать следствием его уклонения (по каким-то причинам произошедшего) от изначально ему данной «односоставности». Ее, по всей видимости, и имеет в виду Порфирий Петрович: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль бога найдет» (6, 351).

Широтой наделены у Достоевского и персонажи не первого плана, к примеру, Келлер и Лебедев из романа «Идиот». И тот, и другой демонстрируют Мышкину возможность такой широты, которая выражается в схождении протигвоположных друг другу мыслей. От Лебедева князь узнает, что можно, искренне раскаиваясь в низком поступке, одновременно стараться извлечь для себя выгоду. «И слова, и дело, и ложь, и правда — все у меня вместе, и совершенно искренно. Правда и дело состоят у меня в истинном раскаянии... а слова и ложь состоят в адской (и всегда присущей) мысли, как бы и тут уловить человека, как бы и чрез слезы раскаяния выиграть!» (8, 259).

Настало время изменить ракурс и поговорить о значении середины как центра в представлении Достоевского о мироустройстве. В свое время еще Н. А. Бердяев обратил внимание на то, что «в конструкции романов Достоевского есть очень большая централизованность. Все и всё устремлено к одному центральному человеку, или этот центральный человек устремлен ко всем и всему. Человек этот загадка, и все разгадывают его тайну. Все притягивает эта загадочная тайна»²³. Таким центром, требующим разгадывания (акцент Бердяевым сделан именно на этом), в «Подружке» является Версилов, в «Идиоте» — Мышкин, в «Бесах» — Ставрогин. Ставрогина Бердяев уподобил солнцу, вокруг которого все вращается: «Он весь — загадка и тайна, он весь из полярных противоположностей, все вращается вокруг него, как солнца». Подобно первосущности Плотина (аналогия здесь вполне прозрачна),

²² *Андреев А. Н.* Персоноцентризм в классической русской литературе XIX века. Минск, 2003. С. 155.

²³ *Бердяев Н. А.* Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М., 2016. С. 339.

Ставрогин порождает и формы бытия, и все многообразие вещей путем эманации.

Сначала он эманурует идеи («Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника»), которые, в свою очередь, «породили других людей, в других людей перешли»: «Из духа Ставрогина вышел и Шатов, и П. Верховенский, и Кириллов, и все действующие лица “Бесов”». Ставрогиным были сотворены все иерархии этого мира: «В духе Ставрогина зародились и из него эманировали не только носители идей, но и все эти Лебядкины, Лутугины, все низшие иерархии “Бесов”, элементарные духи». И женский мир был также порожден Ставрогиным: «Из эротизма ставрогинского духа родились и все женщины “Бесов”». А заканчивается это место в рассуждениях Бердяева так: «От него идут все линии. Все живут тем, что было некогда внутренней жизнью Ставрогина. Все бесконечно ему обязаны, все чувствуют свое происхождение от него, все от него ждут великого и безмерного — и в идеях, и в любви»²⁴.

Однако, согласно интерпретации Н. А. Бердяева, эманация такого рода ведет не к созиданию, а к разрушению: «Безмерность желаний Ставрогина вышла наружу и породила беснование и хаос. Он не совершил творческого акта, не перевел ни одного из своих стремлений в творческое действие, ему не было дано ничего сотворить и осуществить <...> Только подлинный творческий акт сохраняет личность, не истощает ее. Истошающая эманация ничего не творит и умерщвляет личность»²⁵.

Интерпретация, данная Ставрогину Бердяевым, стала классической. Однако не в ней сейчас дело. В данном случае внимание должно быть обращено на роль и значение центра в мире Достоевского не только с точки зрения его романного устройства (о чем говорил Бердяев), а с точки зрения его художественной идеологии.

Нельзя не заметить, что положение Мышкина сходно со ставрогинским. Но так же очевидно, что Мышкин является центром другим: не тем, к которому все развернуты, а тем, который сам развернут ко всем. Как заметил Н. Бердяев, «в «Идиоте» все движение идет не к центральной фигуре князя Мышкина, а от нее ко всем»²⁶. Мышкин — центр и середина в том смысле, о котором говорится в Евангелии от Матфея: Христос дал нам обетование: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

С самого начала своего появления в Петербурге князь невольно включается в происходящие перипетии, оказывается в центре двух

²⁴ Бердяев Н. А. Откровения о человеке в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. С. 31–32.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. С. 341.

семейных драм, и все их участники попадают в ситуацию, когда уже не могут что-то предпринять без учета его присутствия.

Мышкин становится соединительным звеном между теми, кто развернут по отношению друг к другу в разные стороны: между Настасьей Филипповной и Рогожиным и одновременно между Настасьей Филипповной и Аглаей; между Аглаей и Ганей Иволгиным, а также между Ипполитом и Ганей Иволгиным и т. д. И тот, кто оказывается рядом с ним, обнаруживает в себе не только свое, но и мышкинское. Это отмечает, например, Рогожин в отношении Настасьи Филипповны: «С тобой она будет не такая, и сама, пожалуй, этакому делу ужаснется, а со мной вот именно такая» (8, 174).

Если эманации Ставрогина порождают его своеобразных двойников, образующих множество суверенных и амбициозных единиц, то доброжелательство Мышкина создает условия для сближения крайностей и созидания существования (по аналогии с «широким человеком») без разделительной черты. И сам Мышкин ответно начинает обнаруживать в себе то, что есть у других. Примечательна его реакция на слова Келлера о двойных мыслях: «Вы мне точно меня самого теперь рассказали... Мне даже случилось иногда думать... что и все люди так» (8, 258). Здесь было бы не лишним вспомнить о мыслях Достоевского по поводу присущей русскому человеку «всемирной отзывчивости». Она как раз и заключается в предназначенной ему миссии вносить примирение во все противоречия для достижения «великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (26, 148)

Однако такое взаимообратное соприкосновение ангелического и человеческого не повлекло за собой изменения ни людей, ни Мышкина: кто каким был, таким и остался. В эпилоге о судьбах разных персонажей будет сказано одной строкой: «Лебедев, Келлер, Ганя, Птицын и многие другие лица нашего рассказа живут по-прежнему, изменились мало, и нам почти нечего о них передать» (8, 508). Подобно Пушкину, способному проникать в дух других народов, Мышкину дано проникать в дух других людей, но не дано изменить их. У него как бы нет необходимой для этого пушкинской творческой энергии, без которой преобразование невозможно. И это апофатически согласуется с одной из основных и повторяющихся мыслей Достоевского, что жизнь — сама по себе искусство, и жить — значит создавать из себя произведение искусства²⁷. Апофеозом пребывания Мышкина в мире стало только его братское согласие с тем, с кем, казалось бы, никакого согласия быть не может, — с Парфеном Рогожиным. А соединила их, принесла себя в жертву, Настасья Филипповна, в гибели которой оказались повинны они оба. Такой финал позволяет иначе рассмотреть вопрос о центре

²⁷ См. об этом авторитетное исследование: *Джексон Р.Л.* Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб., 2020. 228 с.

в этом романе и лучше понять, что имел в виду Достоевский, говоря устами своих героев, что красота способна, по слову Аделаиды, мир перевернуть а, по слову князя Мышкина, спасти его.

Центричная организация сюжетного и персонажного пространства — явление у Достоевского скорее типическое, чем исключительное. На место в центре в первую очередь претендуют персонажи «середины», служители золотого тельца. Среди них можно выделить и Фому Опискина («Село Степанчиково и его обитатели»), и Зверкова («Записки из подполья»), и мужа мадам М* («Маленький герой»), и Ганю Иволгина («Идиот»), и Петра Верховенского («Бесы»). В центре может оказаться и «математическая голова», на которую, в пересказе Разумихина, уповают социалисты. По их представлениям, из этой головы должна выйти социальная система, которая «тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным». Точно так же и вышедшая из головы теория Раскольникова претендует на новое слово в понимании мироустройства, а сам Раскольников — на статус мироустроителя. Роман «Преступление и наказание» в том числе и о том, кто должен быть в центре — «математическая голова», Раскольников или Христос, теория или Евангелие.

Какой будет «организация духовной и земной жизни»²⁸ — напрямую зависит от того, кто окажется в центре. При сопоставлении высказываний писателя (взятых из разных его текстов) выстраивается такой синтагматический ряд: древний мир был организован Гомером, новый мир — Христом, русский — Пушкиным, а мировой (согласно Пушкинской речи) — наделенным «всемирной отзывчивостью» русским человеком²⁹. Если «общечеловечество» образуется на основе всеобщего преклонения перед идолом, то «всечеловечество» — на основе всеобщего стремления к идеалу. Последнее предполагает рост, а значит, постоянное пребывание, как сказано о мальчишке-подростке в «Маленьком герое», «в уклоненной, переходной и неготовой форме» (2, 276).

На это произведение Достоевского следует обратить особое внимание. На первый план в нем выдвигается герой-подросток³⁰, а вместе с ним важная для писателя тема и идея.

Одиннадцатилетнему мальчику удастся совершить не сказочное, а настоящее чудо преображения. Совершается оно тогда, когда у самых разных действующих лиц безостановочного праздничного спектакля (где все роли заданы, предопределены и неизменны) вдруг

²⁸ Ср. высказывание Достоевского: «... в “Илиаде” Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни совершенно в такой же силе, как Христос новому» (28, 69).

²⁹ Об историко-культурном контексте спора о Пушкине как русском человеке см.: Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л., 1987. С. 168–193.

³⁰ О детях и подростках в творчестве Достоевского см.: Барут К. А. Герой Ф. М. Достоевского как подросток // «Педагогія» Ф. М. Достоевского: Материалы конференции. Коломна, 2003. С. 9–20.

начинают распадаться готовые формы их амплуа. Этому своему герою Достоевский определил положение, которое стало семиотически значимым в его творчестве, — положение «между», требующее выбора и поиска. Подросток оказывается между двумя дамами, друг другу во всем противоположными. Одна — сама отвага и смелость, другая — робость и беспокойство. Одна — неумное движение, другая — душевное смятение при внешнем спокойствии. Эти женщины (представляющие две разные ипостаси красоты) и побудили мальчика к свершению двух главных для жизни подвигов — самоутверждения и самоотвержения. Осуществление каждого из них требует усиленной работы над собой, по слову Достоевского, — «выделки»: «По-моему, одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» (25, 110).

Схожая диспозиция представлена и в «Идиоте». Подобно «маленькому герою», князь Лев Мышкин оказывается между Настасьей Филипповной (красотой небесной) и Аглаей (красотой земной), но, любя их обеих, подвиг совершить не в состоянии. Тот, кто не способен изменяться, не имеет возможности и что-то изменить. А вот у героя романа «Подросток» (продолжающего и развивающего тему «Маленького героя») эта возможность есть потому, что у него есть и идея, и идеал, без которых нет роста — необходимого условия для изменения и преобразования и самого себя, и того, что вокруг.

Идея роста заложена уже в самой повествовательной структуре «Подростка»: Аркадий Долгорукий доверяет письму те ощущения и переживания, которые он испытывал, будучи подростком, осознавая при этом, что между ним «теперешним» и ним «тогдашним» — «бесконечная разница». Определяющим фактором такого роста является его постоянное пребывание в промежуточном состоянии «между молодостью и взрослостью, между всеми семейными и общественными функциями, между авторством и ролью героя». Аркадий Долгорукий становится автором в двойном смысле — автором текста и автором жизни. Именно такая динамическая двойственность и заставляет подростка все время менять векторы своих устремлений, действовать во все стороны и тем самым невольно оказываться в гуще событий, в самом их центре. Версиров же (по Бердяеву, центральная загадка) оказывается в таком случае псевдоцентром.

Понятно, что центричность подростка имеет иную — созидательную — природу. А это возможно тогда, когда действительность понимается не как данность, но как динамичный процесс постоянного переосмысления, конструирования, проектирования и интерпретации. В этом случае есть то, чего не было у Мышкина, — преобладающая действительность творческая («пушкинская») активность. И это еще один шаг к ответу на вопрос о том, почему красота может спасти мир.

Человек, обращенный к идеалу красоты и нравственности³¹, — человек, не знающий середины. И это подросток. Это именование Достоевский относит и к человеку вообще, безотносительно к его возрасту. Ибо человек «есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» (20, 173). Идеальная ситуация для Достоевского — быть посередине (исходная позиция для преобразования мира) и без середины внутри себя (необходимое условие для движения и развития).

Библиографический список

- Андреев А. Н.* Персонализм в классической русской литературе XIX века. Минск, 2003. 233 с.
- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Барит К. А.* «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы...» О неполной проходимости границы между 9 и 8 классами по Табели о рангах в произведениях Ф. М. Достоевского // V Летние чтения в Даровом. Коломна, 2019. С. 92–103.
- Барит К. А.* Герой Ф. М. Достоевского как подросток // «Педагогия» Ф. М. Достоевского: Материалы конференции. Коломна, 2003. С. 9–20.
- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. С. 309–510.
- Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л., 1987. 196 с.
- Вайсенофф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993. 590 с.
- Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 12–76.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937–1952.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1982. 407 с.
- Джексон Р. Л.* Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб., 2020. 228 с.
- Курганов Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб., 2001. 208 с.
- Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.; Л., 1957. 900 с.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 42. С. 150.
- Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. 864 с.
- Савинков С. В., Фаустов А. А.* Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010. 332 с.
- Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 23–88.
- Фаустов А. А.* Метаморфозы «обыкновенного» человека // Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж, 2015. С. 117–215.

³¹ Ср. известное высказывание Достоевского из «Дневника писателя» 1881 г.: «Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете» (27, 57).

References

- Andreev A.N. *Personotsentrizm v klassicheskoi russkoi literature XIX veka* [Personacentrism in classical Russian literature of the 19th century]. Minsk, 2003. 233 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. *Dostoevskiy: etimologiya povestvovaniia* [Dostoevsky: Etymology of Narrative]. Saint Petersburg, 2019. 456 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. “Napoleonom-to, mozhet byt’, i ne sdelalsia by...” O nepolnoi prokhozimosti granitsy mezhdu 9 i 8 klassami po Tabeli o rangakh v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo [“Perhaps I would not have become Napoleon...” On the incomplete passage of the boundary between grades 9 and 8 according to the Table of Ranks in the works of F.M. Dostoevsky]. In: *V Letnie chteniia v Darovom*. Kolomna, 2019. Pp. 92–103. (In Russ.)
- Barsht K.A. Geroi F.M. Dostoevskogo kak podrostok [F.M. Dostoevsky’s hero as a teenager]. In: “*Pedagogiia*” *F.M. Dostoevskogo. Materialy konferentsii*. Kolomna, 2003. Pp. 9–20. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky’s worldview]. In: Berdyaev N.A. *Russkaia ideia. Mirosozertsanie Dostoevskogo*. Moscow, 2016. Pp. 309–510. (In Russ.)
- Budanova N.F. *Dostoevskii i Turgenev: tvorcheskii dialog* [Dostoevsky and Turgenev: a creative dialogue]. Leningrad, 1987. 196 p. (In Russ.)
- Dal’ V.I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Vol. 4. Moscow, 1982. 407 p. (In Russ.)
- Faustov A.A. Metamorfozy “obyknoennogo” cheloveka [Metamorphoses of an “ordinary” man]. In: Faustov A.A., Savinkov S.V. *Universal’nye kharaktery russkoi literatury*. Voronezh, 2015. Pp. 117–215. (In Russ.)
- Gogol’ N.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 14 vols. Moscow; Leningrad, 1937–1952. (In Russ.)
- Jackson R.L. *Dostoevskii: poisk formy. Filosofiiia iskusstva pisatelii* [Dostoevsky: Search for Form. The Writer’s Philosophy of Art]. Saint Petersburg, 2020. 228 p. (In Russ.)
- Kurganov E. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [The novel “The Idiot” by F.M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, 2001. 208 p. (In Russ.)
- Lermontov M. Yu. *Sochineniia* [Works]: in 6 vols. Vol. 6. Moscow; Leningrad, 1957. 900 p. (In Russ.)
- Marx K. Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia*, vol. 42. Moscow, 1974. Pp. 146–152. (In Russ.)
- Pumpyanskiy L.V. *Klassicheskaiia traditsiia. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Moscow, 2000. 864 p. (In Russ.)
- Savinkov S.V., Faustov A.A. *Aspekty russkoi literaturnoi kharakterologii* [Aspects of Russian literature characterology]. Moscow, 2010. 332 p. (In Russ.)
- Skaftymov A.P. Tematicheskaiia kompozitsiia romana “Idiot” [Thematic composition of the novel “The Idiot”]. In: *Nravstvennye iskaniiia russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 23–88. (In Russ.)
- Vayskopf M. *Suzhet Gogolia* [Gogol’s plot]. Moscow, 1993. 590 p. (In Russ.)
- Vetlovskaya V.E. F.M. Dostoevskii. In: *Russkaia literatura i fol’klor. Vtoraiia polovina XIX veka*. Leningrad, 1982. Pp. 12–76. (In Russ.)